
Г. Н. ЩУПАК

*ПРИЧИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЫ
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ*

*(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ
СЕРЕДИНЫ XIX—НАЧАЛА XX в.)*

*«Уж ты, схожо красное солнышко,
Восударь мой, родимой тятенька!
О чем-то я тебе покучуся?
О чем-то, горька, тебе поканаюся —
Со слезами со горячими,
Со причетами жалостливыми...»*

(Шишонко В. Н.

*Отрывки из народного творчества
Пермской губернии. Пермь, 1882. С. 5—6).*

За период почти двух столетий собирательской работы по свадьбе Пермской губернии накоплен богатый материал. Этнографические описания обряда, значительные по объему собрания поэтических текстов, образцы ранней слуховой фиксации напевов, а начиная с 1950—1960-х гг. и звукозаписи — все это предоставляет возможности для подробного изучения свадебного обряда.

Для исследователя, стремящегося к постижению музыкальной специфики художественных форм свадебного обряда, чрезвычайно важным оказывается их этнографический контекст. В жанровом многообразии художественного наполнения традиционной свадьбы значительное место занимают причитания и опевальные свадебные песни, составляющие выразительную основу довенечной части обряда. В пермских традициях они звучат начиная преимущественно с просватанья и в течение всего периода до отправки свадебного поезда в церковь в день венчания.

В день «просватанья» («помолвки», «сговора») достигалась окончательная договоренность сторон о свадьбе, закреплявшаяся обычно через «рукобיתье» и «пропивание» невесты. Нередко именно в этот день жених и невеста впервые видели друг друга. В последующие 1—2 недели следовали многочисленные приготовления к свадьбе. К просватанной девушке собирались ее подруги, помогали готовить приданое, исполняли причитания и песни. В это же время могли устраивать «посиденок» — вечеринку в доме невесты для холостых парней и девушек. В селах и деревнях на северо-западе Пермской губернии невеста в период от просватанья до свадьбы по обычаю посещала своих родственников (ходила или ездила «на обеды»). Накануне дня венчания устраивали «девишник» (с обрядовой баней, расплетением косы невесты, раздачей «красоты» и т. п.). В тот же день в доме невесты происходило и «обручение», на котором присутствовала ближняя родня с обеих сторон. В одних случаях «обручение» следовало за «девишником», в других — предшествовало ему. Нередко обряд прощания невесты с «красотой» совершался утром венчального дня, перед прибытием свадебного поезда жениха.

В большинстве работ наиболее яркие страницы повествования связаны с описанием исполнения свадебных причитаний, плачей, свадебного «вытья», их

характеристикой. При этом разные авторы то акцентируют свое внимание на действенной стороне той или иной обрядовой ситуации, либо на степени эмоциональной остроты происходящего, то прибегают к попытке вывести общее значение причитаний в обряде. В одних случаях при обращении к этнографическим описаниям читатель сталкивается с лаконично изложенной последовательностью основных обрядовых действий, в других — встречает детальную живописную картину, дополненную примерами народных высказываний, ярко иллюстрирующими тот или иной момент. Каждое описание раскрывает перед читателем не только облик конкретной местной традиции, но и образ творческой личности автора-бытописателя, а вместе с тем — облик эпохи и социальной среды.

Среди авторов — преподаватели и зрители уездных и приходских училищ, гимназии (М. И. Калинин, Н. А. Корнаухов, С. П. Бувеский, Я. И. Предтеченский, В. С. Кошурников, В. Н. Шишонко, В. Н. Серебренников), грамотные крестьяне (А. Н. Зырянов, П. А. Шилков, А. Н. Гладких), управляющие дворянскими имениями и округами (Н. А. Рогов, И. Назукин), чиновники, земские служащие (И. Д. Шерстобитов, В. М. Янович), священники (И. В. Шестаков; лит. псевдоним — Я. Камасинский), врачи (Д. Петухов). К сожалению, отсутствуют сведения о А. Калмыкове, А. Г. Серебренникове, А. Чеснокове, И. В. Змееве.

Непреложным показателем живого состояния традиции, запечатленного в этнографических источниках XIX—первой трети XX вв., является обязательность исполнения причитаний (в особенности индивидуального «вытья» невесты). Не случайно различными авторами часто приводится народная поговорка: «Не поревешь за столом — поревешь за столбом». В настоящее время, когда состояние фольклорной традиции уже не позволяет осуществлять подобные наблюдения, ранние материалы оказываются чрезвычайно важными. Наша публикация представляет собой попытку свода фрагментов этнографических описаний, выявляющих особенности бытования причитаний и опевальных песен в местном свадебном обряде.

Источниковую базу для данного тематического свода составляют фольклорно-этнографические материалы (22), опубликованные в период 1840—1920-х гг. Преимущественно они появлялись на страницах периодической печати («Пермские губернские ведомости», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Иллюстрация» и др.), размещались в изданиях научных обществ и организаций («Ученые записки, издаваемые Казанским университетом», «Записки Уральского общества любителей естествознания», «Живая старина», «Материалы по изучению Пермского края», «Труды Пермской ученой архивной комиссии»), а также выходили в свет в виде самостоятельных изданий.

Помимо этих материалов используется еще один источник, хронологически соответствующий обозначенному временному периоду. Речь идет об описании «Свадебных обрядов в горных заводах (Урала)», составленном, вероятно, в 1850-х—начале 1860-х гг. одним из корреспондентов В. И. Даля.¹ Фрагменты содержания данной рукописи приводятся по публикации «Песни, собранные писателями», вышедшей в серии «Литературное наследство» в 1968 г.

¹ Рукопись данного описания хранится в Государственном историческом музее (ф. 56, п. 119 а). На рукописи рукой П. А. Бессонова отмечено «От В. И. Даля», хотя специалистами установлено, что почерк в документе принадлежит не Далю. Г. Г. Шаповалова отмечает, что, переселившись в Москву в октябре 1859 г., В. И. Даль «отдает записи песен, сказок и других фольклорных жанров заинтересованным лицам, а себе оставляет лишь всё, относящееся к словарю и сборнику пословиц» (Даль 1968, с. 445). Наше предположение о возможном составлении данного фольклорно-этнографического описания свадебного обряда в период 1850-х—начала 1860-х гг. основано на том, что развернутость этнографического описания, многочисленность и полнота поэтических текстов, представленные в рукописи красноуфимского собирателя, характерны для работ, выходивших начиная с этого времени.

Мы также посчитали возможным привлечь работу В. С. Кошурникова «Свадебные обряды и песни северо-восточной части Вятской губернии» (1880), в которой представлен территориально близкий и типологически родственный материал.

Наряду с материалами, раскрывающими стороны духовной и материальной культуры русского населения Пермской губернии, в нашей работе учтены публикации, посвященные фольклорным традициям «пермяков» (в современном этническом определении — коми-пермяков), к XIX в., однако, уже значительно обрусевших и переживших многие элементы русской фольклорной традиции. Рассуждая о путях ассимиляции «пермяков» в русской среде, авторитетный исследователь культуры финно-угорских народов, профессор императорского Казанского университета И. Н. Смирнов приводит следующие свои наблюдения: «Русский язык как язык обыденного домашнего разговора не имеет здесь (в «пермяцких» волостях. — Г. Щ.) права гражданства: говорят все по-пермяцки, но русская песня и русская загадка на игрищах, русские присказки на свадьбах, русские наговоры и заговоры в различных случаях, требующие участия колдуна, являются в некотором роде обязательными. Женщины и девушки, обыкновенно едва умеющие связать несколько слов по-русски, поют с величайшим усердием русские песни, в меру своего усердия, конечно, искажая их, и выслушивают длинные, цветистые, заученные от русских речи и прибаутки дружек на свадебных пирах. Произведения русского народного творчества проникают таким образом к пермякам раньше языка, завоевывая и подготавливая почву для этого последнего. Прежде чем пермяк научается говорить более или менее правильно по-русски, он является уже русским в выдающиеся моменты своей жизни» [Смирнов 1891, с. 174—175]. Подобные свидетельства можно встретить также в работах Н. А. Рогова, В. М. Яновича, И. В. Шестакова (Я. Камасинского).

Общее число публикаций XIX—первой трети XX в., содержащих сведения о свадебном обряде Пермской губернии, отнюдь не исчерпывается работами, представленными в данном обзоре. За его рамками остаются краткие разрозненные замечания, касающиеся обстоятельств и характера исполнения песен и причитаний в ходе совершения свадебного ритуала. По большей части они характерны для описаний посещения невестой и девушками обрядовой бани, чесания волос, заплетания и расплетания косы невесты, раздачи «красоты» и т. п., то есть ритуальных моментов, наиболее насыщенных в песенном и действенном планах.

В публикуемых образцах сохраняется оформление текста (курсив, кавычки), принятое в оригинальном издании. Орфография и пунктуация приводятся к современной норме, за исключением диалектных форм речи, специально комментируемых. Сохраняется различное у разных авторов написание слова «девичник» / «девишник». Перед каждым самостоятельным фрагментом описания, если это необходимо, в квадратных скобках приводится обозначение обрядового момента, с которым связано то или иное происходящее действие. Поэтические тексты плачей и песен, наличествующие в описаниях, приводятся в объеме трех-четырех начальных строк и заключаются в кавычки.²

² В дополнение к текстам описаний, приводимым в настоящей публикации, прилагается географический указатель, а также указатель элементов содержания этнографических описаний, помогающий в потоке авторских повествований выявить некоторые типовые ситуации довенечного периода свадебного обряда, связанные с исполнением плачей и песен. К тому же система указателя освобождает от необходимости искусственного расчленения целостных фрагментов повествования, неизбежно приводящего к потерям при передаче смыслового контекста.

ТЕКСТЫ

№ 1

[М. И. КАЛИНИН: 1848]

«Песен, употребляемых в Чердыни, великое множество, так что из них может составиться целый том; особенно свадебные причитания, известные здесь под именем песней *плача*, отличаются длиннотою изложения...» (Калинин 1848, с. 215).

* * *

«С этого дня [дня рукобיתья, или сговора. — Г. Щ.] подруги гостят у невесты, шьют приданое, а более режут напропалую, это — извольте видеть — они оплакивают „*дивью красоту*”. Песни плача просто нестерпимы. Представьте себе дюжину голосистых плакальщиц, которые под команду непременно какой-нибудь *круглой сироты* начинают свое завыванье, причитая целые тирады о том, о сем... Слезы ручьи текут у плакальщиц; невеста уже хныкает, сморкается... вой становится жалостнее; *круглая сирота* приходит в пассию; ее пример возбуждает невесту реветь и бросаться головою и руками на колени подруг. Раз кто-то из проказников, свидетель такой трогательно-раздирательной сцены, заметил нескромно товарищу, с ним бывшему, что невеста не совсем глупа, ибо выбирает место помягче, где удариться своею злополучною головою... Эти слова долетели до ушей рыдавшей невесты... и что же?.. и вдруг она со всего размаха грянулась на пол и начала руками, головою биться, испуская истинно ужасный, неподражаемый вопль... Но когда *горькая сирота* скомандовала: „довольно!...” — то с последним словом песни вой, слезы в одну секунду затихли: невеста встала, утерлась, затем и вся команда спешила привести в порядок свои расстроенные физиономии, т. е. утираться, сморкаться, пить воду и пр. И поверите — эта история повторяется ежедневно до самой свадьбы, подумаетесь: откуда у них слезы берутся?.. В девишник невесту ведут подруги в баню, по дорожке туда втыкают в снег прутья из веника — с привязанными ленточками и лоскутками, и там уже вдосталь оплачут (*омьют горючьми слезьми дивью красоту*)» (Калинин 1848, с. 216).

* * *

[В день свадьбы]. «Когда уж все готово, чтобы ехать к венцу, то опять поезд от жениха в том же порядке прибывает к невесте, которая и выводится, уже готовая предстать брачному алтарю, отцом. Садятся за стол, на котором стоит хлеб, соль и окорок, убранный бумажными оборками. Встают все разом и, взявшись за руки, выходят из-за стола. Здесь невеста бросается отцу, матери и всем предстоящим в ноги, произнося с рыданием конечно: „*благослови-ко ты меня, родимый мой батюшка!*»... таковая же — матушка, подруженьки и так далее. Подле надлежащих благословений отец опять из полы-в-полу передает невесту жениху... и свадебный поезд отправляется в церковь...» (Калинин 1848, с. 216).

№ 2

[Н. А. КОРНАУХОВ: 1848]

«Родители невесты, отдавая ее замуж, редко спрашивают у ней согласия и часто выдают дочерей против воли и желания. Нередко девушка, выходя замуж, в первый раз видит своего жениха на просватанье. В день просватанья, перед тем временем, когда должен приехать жених с гостями, невеста, завернувшись в шубу, лежит в избе на полатах или прячется куда-либо в другое место. По приезде жениха родители невесты и крестная ее мать приказывают ей слезть с полатей и одеваться, но она на приказания их отвечает одним плачем. Наконец, они силою снимают ее с полатей и одевают. Во все это время волею или неволею выдают ее замуж, она непременно должна как можно громче выть и причитать. Одев ее, отец и мать выводят ее и передают жениху. Потом священник благословляет всех, и садятся за стол. <...> Во время стола девушки поют песни» (Корнаухов 1848, с. 54).

* * *

«Поутру, в день девичника, девушки готовят для невесты баню и приглашают ее туда плачем или самою заунывною песнию: „Ты пожалуй-ко мила подруженька, истопили тебе теплу парушу...“. По окончании плача невеста припадает к отцу и матери, прося у них благословения сходить в последний раз в родительскую баню. Невеста плачет, а девушки поют вторую плачу. Потом мать отдает невесте рубашку и вместе с отцом благословляют ее. Провожая невесту в баню, умывая ее в ней, одевая и выводя из бани, девушки все поют разные плачи или причитания. Невеста, вышед из бани, тоже благодарит родителей плачу; потом вместе с девушками садится за стол обедать» (Корнаухов 1848, с. 54—55).

* * *

[В день девичника, после ужина с гостями]. «Наконец, жених и все гости, кроме девушек, разъезжаются, а девушки садятся за стол ужинать, посадив невесту в переднее место. После ужина невеста начинает плакать и биться о стол, а девушки поют плачи» (Корнаухов 1848, с. 55).

* * *

«В день свадьбы невеста пробуждается поутру ранее всех и начинает громко плакать, а девушки петь или, как они выражаются, *плакать плачи*. Потом старшая сестра расплетает ей косу, потому что здесь под венцом невеста должна быть с расплетенною косою. Невеста в это время раздает красоты, т. е. самые разные ленты, сестрам и всем подружкам; но самую дорогую ленту посылает в церковь в Евангелие. По раздаче красот зажигают свечи перед образом, и невеста молится Богу. Потом просит благословения у отца и у матери одеваться к венцу. Во время одеванья, раздачи красот и благословения девушки также *плачут плачи*» <...> По приезде жениха девушки поют две песни жениховой и невестиной свахам; потом садятся за стол, девушки поют последнюю жалобную, прощальную песню невесте, после которой священник читает молитву» (Корнаухов 1848, с. 55—56).

№ 3

[ОДИН ИЗ УРАЛЬСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ В. И. ДАЛЯ: 1850-е гг.]

«Свадебные песни можно по их содержанию и напевам разделить на песни жениху и невесте, песни женатым и песни холостым. Первые отличаются своим томным напевом и тем, что в них проглядывает грусть невесты по оставляемому ею девическому быту и сожаление о ней ее подружек. Песни женатым поются более веселым напевом, а песни холостым составляют по напеву своему средину между песнями жениху и песнями женатым» (Даль 1968, с. 459—460).

* * *

[Рукобитье и пропивание]. «Во все это время невеста сидит в углу перед печью вместе с приглашенными ею девушками, ее подружками, которые в то время, когда отец невесты затепливает свечу, *воют*, т. е. поют особенным напевом: „Всхоже красное мое солнышко, Ты родимый сударь батюшко... {...} Не затепливай, родимый батюшко, Ты свечи воскояровой...”» (Даль 1968, с. 452).

* * *

«С просватания до свадьбы для невесты считается неприличным бывать вне своего дома, ей даже неприлично ходить в церковь, и поэтому она во все это время не выходит со двора и находится в сообществе девушек, подружек и родственниц, которые приглашаются ею к просватанью и остаются у ней до самой свадьбы. Они шьют для невесты приданое, состоящее в рубашках для жениха, полотенцах и прочем; по дням они поют проголосные песни и воют, а по вечерам играют. Вытье бывает по утрам, около обеда, когда приходит какая-нибудь гостья, когда под вечер невеста чешет голову. Выть всегда начинает сама невеста, а потом уже пристают к ней девушки. Вытье в будни бывает следующее: Поутру: „Благослови-ко, Боже-Господи, Ото сна мне пробудитися, От стены бы откатитися...”. Вытье в полдень: „Что я, что я засиделася? На кого я загляделася?...” Вытье под вечер: „На дворе-то да вечеряется, День ко вечеру приближается...” [и др. тексты]» (Даль 1968, с. 453—455).

* * *

«Если к невесте или ее родителям придет какая-нибудь гостья, близкая родственница и знакомая невесте, то к ней воют: „Что идет-то, ко мне жалует Небывалая честна гостьюшка, Моя тетушка родимая...” А иногда к гостье воют следующее: „Уж я во горе не услышала, В горячих слезах не увидела...” {...} (Здесь гостья, если умеет, и сама начинает выть вместе с девушками)» (Даль 1968, с. 457—458).

* * *

[По прошествии дня обручения]. «Когда все гости разойдутся, невеста вместе с девушками садится за стол в последний раз ужинать в доме своих родителей. После ужина, еще сидя за столом, начинается вытье, коим невеста выражает своему отцу благодарность за воспитание. Вытье это таково: „Не осудите, мои голубушки, Меня на хлебе, на соли, Да на серой малой утице...”» (Даль 1968, с. 491).

* * *

«После этого вытья отдает свою девью красоту — оплакивает свое девство и разлуку с девической жизнью. Она, надев на голову ленту, садится на лавку и начинает с девушками выть, как при расплетании косы; привывает к матери, к сестрам и ко всем находящимся тут девушкам. Потому девушки снимают с нее ленту, расплетают ей косу и связывают распущенные волосы ленточкой. После этого невеста, надев снова ленту на голову, подходит к иконам, затепляет перед ними свечку и, сняв с волос ленточку, которою они связаны, весит ее чрез свечу на божницу, потом, положив пред иконами начал, отходит от них, садится на лавку и начинает выть: „Падкая моя, жалостливая, Моя матушка родимая...” (При словах „я возьму свою девью красоту” невеста снимает с головы ленту, опускает ее ниже пояса и потом прижимает к груди, далее, поставя на пол, потихоньку отодвигает ее от себя, потом опять придвигает к себе, берет ее с полу, поднимает выше головы и снова ставит ее на пол. Это повторяется четыре раза, когда воют, что красота пошла по терему, по сеням, по крыльцу и на улицу)» (*Даль 1968, с. 492—493*).

* * *

«Впрочем, красоту отдают только невесты безукоризненного поведения: невеста же, у которой на совести есть какие-нибудь пятна, не посмеет отдавать красоты Богородице. Она в то время притворится так жалеющею о своей девической жизни, так встревоженною предстоящею переменою своего положения и так расплчется о разлуке с родителями, что будто она от горя вовсе уж не может выполнить этого обряда. Иногда эту роль принимает на себя сама мать невесты, притворившись до такой степени расстроенною разлукою с дочерью и все смешавши своими воплями, выручает дочь из такого неловкого положения» (*Даль 1968, с. 494—495*).

№ 4

[С. П. БУЕВСКИЙ: 1858]

[В день просватанья, после богомоления и по окончании угощения] «...невеста оставляет жениха и уходит в кут, где нарочно собранные девицы ожидают ее прихода. Она садится на лавку и начинает плакать, беспрестанно ударяя руками о свои колени, а девицы поют свадебную песню, в которой невеста как бы жалуется на своих родителей, что не вовремя они расстаются с ней и еще молодую отдают в замужество. По окончании песни жених берет поднос, кладет на него несколько денег, ставит стакан с медом и идет в кут к невесте для получения подарка. В это время девицы, вставши со своих мест вместе с невестой, опять поют песню, а невеста плачет; в песне от лица невесты называют жениха чужим, чуженином, который вместе с деньгами передает всю работу хозяйства своей суженой; жених же, стоя пред невестой, дожидается окончания песни. После того невеста берет стакан и деньги, целует жениха трижды и как сама пьет, так и потчивает и всех девиц из одного и того же стакана; приняв его от последней, ставит на поднос жениху и кладет на него в дар тонкое полотенце; жених, отдав невесте поклон с поцелуем, уходит на свое место; после этого точно таким же образом приходят за подарками отец и мать жениха. Девицы поют песню, в которой от лица невесты просят их принять ее вместо дочери и в будущем обходиться с ней отечески; а невеста, обняв шею родителей своего жениха, плачет. По окончании такого обряда, когда все прибывшие с женихом получили дары, все собрание угощается столком, за которым первое место занимают жених и невеста, сидя на посланной кошме» (*Бувеский 1858, с. 156—157*).

* * *

«Утром в свадебный день, при зажженной пред иконами свече, мать невесты вместе с девицами, присутствующими на девичниках, начинают расплетать ее косу. В это время поют песню, в которой похваляют целомудрие невесты, а невеста, закрыв лицо руками, плачет. По окончании песни молятся Богу, а по молитве невеста раздает каждой девице по ленточке, и тем оканчивается этот обряд» (Бувеский 1858, с. 158).

* * *

[В день свадьбы] «...вся свита жениха входит в избу; жених становится в красном углу за накрытым столом; по правую руку его тысяцкий, а по левую свахи. В это время дружки передают невесте дары, а девицам гостинцы, и за то получают по букету цветов или по ленточке алого или голубого цвета, которую девицы прищипливают или пришивают к их плечам; невеста же сидит среди девиц на лавке, в кутном углу, одетая в лучший наряд и покрыв голову шелковою фатой или драдедамовой шалью. Когда придет время ее выхода, тогда две из девиц берут ее под руки и начинают петь: „Ишшо перв-от³ поклон положу за царя благоверного” и проч(ее), а невеста, обратившись лицом к иконам и изобразив на себе крестное знамение, покланяется до земли, будучи поддерживаема девицами; потом они поют: „Другой-от⁴ поклон положу за царицу благоверную” и проч(ее), и невеста, сделав вперед шаг, опять повергается в землю; далее поют: „Ишшо третий-от⁵ поклон положу за родимова батюшка, четвертый за родиму матушку; за Богоданного батюшка, за Богоданную матушку”; при каждом названии невеста делает шаг вперед и молится в землю, и таким образом доходит до места, где вышедший из-за стола жених ждет ее прихода. Здесь отец невесты берет ее и жениха за руки, делает им краткое наставление, чтобы они жили в любви и послушании друг другу, и руку невесты влагает в руку жениха; потом все собрание молится Богу и садится за накрытый стол» (Бувеский 1858, с. 160—161).

№ 5

[Я. И. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ: 1859—1860]

[В день рукобитья]. «Когда все поздороваются (подадут друг другу руки. — Г. Щ.), тысяцкий становится подле жениха и, обращаясь к родителям невесты, просит их вывезти невесту „*поскоряе*”, как товар, об котором ударили уже по рукам. Те вместе с крестной матерью спешат исполнить его просьбу; но невеста по принятому обычаю встает нехотя, с горьким плачем, одевается медленно; потом вместе со своими родными молится Богу, кланяется в ноги родителям и, наконец уже получивши от них благословение, выходит с отцом, который *ведет* ее за руку» (Предтеченский 1859, с. 13).

* * *

«Плачами или *вытьем* называют те плаксивые по тону песни, которые поются собственно на девичнике, свадьбе и в период времени между посиденком и девичником; невеста при этих песнях плачет или, как говорят, „*воет*”» (Предтеченский 1859, с. 27, сноска).

³ В оригинале: «первот».

⁴ В оригинале: «другойот».

⁵ В оригинале: «третьот».

* * *

[Время от посиденка до девишника]. «В доме невесты, во все это время, вплоть до девишника, все занимаются делом; девушки, подруги невесты, шьют ей приданое, родители заняты приготовлением к свадьбе. По вечерам обыкновенно собираются к невесте ее родственницы, принося с собою какой-нибудь подарок: кто шаль, кто материи на платье, кто, наконец, чаю или рыбы фунт или два, или чего-нибудь другого из припасов: этим некоторым образом облегчается тяжесть почти ежедневного гомерического столованья. Между прочим, обычаем освящено присылать в это время к невесте сдобные пироги с говядиной, называемые в местном говоре „лакальниками”, потому что съедают их гости и девушки при пении плачей. В сумерки, прежде чем подадут на стол свечи, девушки вместе с невестой садятся за стол и поют, или лучше — по тону пения — *воют* следующие *плачи*: „Поднимались да тучи грозные, со все да со четыре стороны...”» (*Предтеченский 1859, с. 34*).

* * *

«С окончанием сумерек девушки оканчивают плачи, тон и содержание которых легко дают понять каждому современному слушателю, что такое в старину была чужая семья, чужой род, в который молодая девушка должна была поступить из-под вольного родительского кровя... Как бы для большей выразительности этой картины, для большей наглядности и драматизма, невеста в продолжение этих печальных песнопений, сидя за столом, громко плачет, хотя большею частью „для обряда”, бьет руками по столу и вообще обнаруживает по возможности все внешние признаки самого искреннего душевного горя.

Окончивши плачи, девушки тотчас принимаются за шитье и шьют до ужина. Пред ужином гости родственницы уходят, после ужина отправляется и жених, и девушки вместе с невестой идут спать. Так проходит время приблизительно с неделю, от веселого посиденка до грустного по своей обрядности девишника» (*Предтеченский 1859, с. 39—40*).

* * *

«Весь тяжелый и мрачный колорит, который набрасывается на веселую по своей сущности картину девишника, проистекает главным образом из тех обрядов и обрядовых песен, которыми одинаково девушка-невеста выражает прощание со своей с девичью волей-негушкой и родительским кровом — лучшими сокровищами теперешней ее жизни, которых на другой же день должна она лишиться. А мы видели уже, какими черными красками в наших обрядах и обрядовых песнях рисуется поступление нового члена в чужой род-племя, в чужую семью, незнамую, незнакому...

Утром в день девишника, когда девушки-подружки спят еще или просто лежат в постели, пробудившаяся невеста, тоже не выходя из постели, будит их, напевая такого рода плачу: „Вы вставайте-ко, милы подруженьки, Вы вставайте-ко да пробужайтесь! Не пора вам спать-высыпаться...”. После этой плачи все они встают, умываются, одеваются, молятся Богу и готовят к тем занятиям, которые предстоят им в это утро, именно: топить баню-парушу, если только хозяева люди небогатые и многочисленной, свободной для этого прислуги не имеют, — и вести невесту в баню» (*Предтеченский 1859, с. 40—41*).

* * *

[Девушник]. «По окончании этой пригласительной в баню плачи невеста садится за стол; около нее садятся девушки по старшинству, т. е. ближайшие по родству занимают ближайшее к невесте место. Замужние же родственницы невесты, хотя бы находились к ней в самой близкой степени родства, во всяком случае садятся ниже девушек. Когда таким образом сядут все по своим местам, поют новую плачу — пригласительную к обряду расплетания косы,⁶ во время которой невеста, опершись руками на стол, рыдает, качает головой, бьет по столу кулаками, стараясь как можно нагляднее выразить сердечную грусть при имеющем сейчас быть обряде расплетания косы, — обряде, символически изображающем переход из состояния девушки в звание женщины, как яснее увидим это в обрядах свадебного дня. Вот эта плача, которая поется *пред расплетанием косы*: „Припаду ли я да молодешенька, я ко листу, я ко дереву...”» (Предтеченский 1859, с. 43).

* * *

[В день девушника, после ужина с жениховой родней] «...девушки по приглашению невесты садятся ужинать; невеста тем усерднее потчует своих подружек, что ужинает с ними уже в последний раз и завтра должна будет разлучиться с ними. После пирожного, не выходя еще из-за стола, девушки плачут плачу, выражающую грусть невесты при расставании с своим родом: „Отказал мне-ка родимой батюшко, От хлеба да от соли...”

Если невеста принадлежит к семейству бедному, то после этой плачи она затягивает другую, а девушки ей подтягивают: „Не осудите, да милы подруженьки, Не на гуси да не на лебеди!...” <...>

Окончив плачу, девушки встают из-за стола, благодарят невесту и хозяев и вместе с невестой идут спать. Но сама невеста по обыкновению проводит ночь без сна, исключая невест богатых» (Предтеченский 1859, с. 66—68).

* * *

[Утром свадебного дня]. «Как только проснутся подруги, невеста садится к ним на постелю и все вместе поют они плачу: „Не пойте-ко рано, петухи, Петухи да трооперы! Не подавайте-ко да звонки голоса Во далицу⁷ да во чисто поле!...” <...>

Окончив плачи, все встают, поспешно одеваются и вместе с невестой тотчас же отправляются в церковь — обыкновенно в тот приход, к которому приписан жених, чтобы молиться вместе с ним одним иконам и приготовляться к брачному духовному торжеству у одного с ним духовника» (Предтеченский 1859, с. 69—72).

* * *

«Время от обеда до конца обеда посвящает невеста прощанью с девическим житьем-бытьем. Это прощанье в чердынских свадьбах выражается в обрядах: символы девичества — так называемые красоты, или ленты, — невеста

⁶ «Не излишним считаем здесь заметить, как в наших свадебных обрядах, преимущественно же начиная с обрядов девичника, каждый шаг действующих лиц, каждое малейшее наклонение действия тотчас же отмечается особой песней». — Примеч. Я. И. Предтеченского.

⁷ «Во далицу — вдале». — Примеч. Я. И. Предтеченского.

при пении грустных плач дарит своим подругам-девушкам, но, не довольная этим, посвящает свою красоту Богу. <...>

В пении этих песен девушки проводят все время до конца обедни и — должно заметить — поют так громко, протяжно и голосисто, что пением своим препятствуют иногда церковному богослужению, если дом невесты находится случайно близ церкви; но, с другой стороны, соблюдение обряда считается столь необходимым, что очень часто увещания священника — прекратить песни в это время — остаются недействительными» (*Предтеченский 1859, с. 73—75*).

№ 6

[Н. А. РОГОВ: 1860]

«„Вытница” — лицо у пермяков очень важное. Это замужняя женщина или старая девка, которая знает и умеет петь русские свадебные песни. Вытницей называется она потому, что при ее песнях, как говорится у пермяков, невеста „воет”, т. е. плачет. Хорошие вытницы редки и потому пользуются большим уважением в народе. Вытница и девушки, хотя и не постоянно, живут у невесты до самого отъезда ее к венцу. В продолжение этого времени девки готовят невесте разные вещи для подарков жениховой родне и самой невесте в приданое» (*Рогов 1860, с. 73*).

* * *

«В первые дни после рукоблтия все родственники попеременно, но соблюдая старшинство, приглашают невесту с вытницей и девками к себе в гости. <...> Для выхода в гости, она (невеста. — Г. Щ.) одевается в лучшую праздничную одежду и украшает косу большим количеством ленточек. Снарядившись таким образом, невеста становится с девками посреди избы. Девки под руководством вытницы, как и во всех последующих случаях, воют: „Благослови-ко, родимой батюшко, Мне ходити, гуляти Ко дядюшкам, ко тетюшкам...”. При этом невеста падает отцу в ноги; отец говорит: „Бог благословит!” Песня, с приличными изменениями, повторяется матери, старшим братьям и сестрам. Благословленная всеми, невеста с девушками отправляется в гости; если близко, пешком, а если далеко, то на лошадах, зимой — в санях, летом — верхами. Девушки берут с собою войлок и подушку — седалище невесты в доме. Дорогой они поют обыкновенно разные проголосные песни» (*Рогов 1860, с. 74*).

№ 7

[А. КАЛМЫКОВ: 1861]

[На просватанье]. «После стола невеста с девицами провожает жениха до ворот, не выходя сама за ворота (замечая, что невеста не должна никуда выходить одна после просватанья). <...> Невеста возвращается и, поужинав с девицами, начинает выть, причитая: „Что у тебя, батюшко, Пир да за беседушка, С Москвы-то гости все Московские...”» (*Калмыков 1861, с. 10*).

* * *

«Начинается вытье. Оно повторяется каждый вечер со времени просватанья до свадьбы, по пословице: „не наплачешься за столом, так наплачешься за

столбом”. Невеста садится за стол и поет с подругами: „Благодарствуй, родимой батюшко, Тебе на хлебе, на соли, На твоей великой добродетели...”» (Калмыков 1861, с. 25).

* * *

«Девичник делается накануне свадьбы. Поутру или около обеда собираются все родственницы-девицы невесты и подруги. При первом появлении подруг невеста садится за стол и начинает выть с причетом: „Не белая цевочка вокруг скобочки обвивалася, Обвивалась-то бела рученька, Со перстнями да со злащеными...” Эту песню невеста повторяет с каждой подругой, обнявшись, упавая на стол с воем. Когда соберутся все девицы, расчесывают невесте волосы и заплетают косу, ввязав в нее несколько ленточек.

Потом невеста садится с подругами за стол, и начинают *расплетать дивью красоту*, припевая с воем: „От стола, стола дубового, От столешенки кедровья, Отступитесь, люди добрые...”. Отец приходит, благословляет рукою (но не голою) и уходит. Вызывается мать тою же песнею. Мать повторяет благословение. Девицы продолжают: „От стола, стола дубового, от столешенки кедровья, Отступитесь люди добрые, Приступись моя подруженька...” Называемая подруга или сестра подходит к невесте, берет ленточку и развивает немного косу, потом садится с невестой при словах: „Как у тебя, родимая подруженька, Подынулись ручки белые На мою дивью красоту...”. Невеста, обнявшись с подругой, допевают песню, причем колотятся об стол с воем и плачем. То же повторяет с каждой подругой. Таким образом, расплетают косу. Не выходя из-за стола, начинают отдавать дивью красоту. Невеста с подругами воет: „Я возьму свою дивью красоту На свои ручки белые, На перстни злаченые...”» (Калмыков 1861, с. 25—26).

* * *

[В день свадьбы]. «Невеста поутру встает прежде подружек и начинает выть, приговаривая: „Как вам подруженьки спится и дремлетя? Вам и спится и дремлетя, И во сне много видится...” Они встают. Умывшись и помолившись Богу, берут невесту под руки и начинают все выть с припевом: „Стану ли я на свои ножки резвые, На башмачки сафьянные, И на чулочки бумажные. Кого я ишу и смекаю? Я ишу своего родимого батюшку...”» (Калмыков 1861, с. 27).

№ 8

[А. Г. СЕРЕБРЕННИКОВ: 1861]

[В день обрученья]. «Проводивши жениха, невеста садится с девицами сно-ва за стол и начинает благодарить отца и мать за хлеб и соль и начинает плакать с девицами, которые поют песни: „Благодарствуй родимой батюшко и пр.”. Когда поют: «отказал мне родимой батюшко от хлеба и от соли», в это время отец подходит к столу и руками своими отодвигает стол; это значит, что он отказал своей дочери от хлеба и от соли. По окончании песни все расходятся по своим домам (Серебренников 1861, с. 145).

№ 9

[И. Д. ШЕРСТОБИТОВ: 1863]

[Период от рукобיתья до дня свадьбы; невеста «ходит на обеды» к родственникам]. «Поутру, на другой день после рукобיתья, к невесте собираются ее подружки, разодевшись в лучшие праздничные одежды, и дожидаются зваты (т. е. послов из тех домов, где готовили для невесты обед). С прибытием зваты невеста, также разодетая как можно лучше, становится с подругами среди полу и начинает петь, причитая: „Я зачем, горе, засиделася, И на что, горе, засмотрелася, На свою-ту русу косу...”

Та же песня, с приличными изменениями, поется матери и другим семейным, после коей невеста падает каждому в ноги; ее благословляют. Потом две из подруг берут невесту под руки и, выходя из дому, опять начинают громко свадебным напевом петь: „Наглядись, моя руса коса, На батюшкин высок терем, На матушкину белу горницу...”

Невеста во все время пути идет, закрыв руками лицо, плачет и, поддерживаемая подругами, постоянно на все стороны кланяется в пояс. Надобно заметить, что все участвующие в этой плачевой процессии, несмотря ни на какую пору зимы, идут без верхней одежды — в одних сарафанах или так называемых синих верхнихцах, и очень медленно; когда придут в сени того дома, куда их просили, поют: „Есть ли на небе восходимое красно солнышко, Восходимое согревно! Есть ли во тереме родимой дядюшка Со родимой тетушкой...”

Хозяева отворяют двери; невеста с прочими сопровождающими ее девицами входит в избу и садится за стол, обыкновенно на приготовленное впереди место. Подле нее размещаются подружки. Обедают. После обеда невеста и ее подружки поют благодарную хозяевам песню [«Я скажу же спасибо тебе (называет хозяев) на хлебе, на соли»]; потом выходят из-за стола и, остановившись на середине избы, опять начинают петь: „Я еще же вам бью челом, низко кланяюсь (называет хозяев), Я зову вас в гости — жалую, На свой горькой девичничек...”» (*Шерстобитов 1863, с. 230*).

* * *

[Вечером, накануне свадьбы (в девичник), по возвращении невесты из бани и после того, как присутствовавшие гости расходятся по домам]. «Тогда невеста с девицами выходит из своего убежища и садится за стол. Отец засвечает у икон свечу, мать подает одной из девиц щетку, и девицы, расчесав невесте волосы, заплетают косу с несколькими ленточками. Потом невеста благословляется у отца, матери и всех семейных, опять садится на прежнее место, за стол. Подружки ей расплетают косу, между тем все поют, причитая: „Уж ты свет, моя руса коса, моя дивья красота, мне приходится с тобою расстаться...” Невеста во все продолжение пения, упав на стол, плачет. Подружки расплетенные из косы ленты кладут на стол перед невестой, а последней лентой (лучшей) завязывают невесте бантом волосы;⁸ прочие она сама раздает девицам» (*Шерстобитов 1863, с. 231*).

* * *

«В день свадьбы поутру невеста с подругами встает, прежде чем встанут ее домашние, и, не добывая огня, с девицами поет: „Вот поют, поют куры петухи,

⁸ «С этой лентой идет она под венец и оставляет в Евангелии, если сознает себя непорочной; если же сознает виновной, то оставляет у себя». — Примеч. И. Шерстобитова.

Что троеперые, троеголосые...” Эту песню повторяют и матери. Потом встанут домашние и достают огонь. С рассветом некоторые из девиц расходятся по домам, а с полудня опять собираются к невесте и дожидаются приезда жениха» (*Шерстобитов 1863, с. 235—236*).

№ 10

[А. Н. ЗЫРЯНОВ: 1863]

[В день помолвки, после совершения рукобיתья] «...невеста в свою очередь, как бы пораженная новостью, начинает из подражания обычаю плакать, *причитывать* и приговаривать: „Пала, пала со небес звезда, Потреслася мать-сыра земля, Сине море море всколебалось...”» (*Зырянов 1863, с. 247*).

* * *

«Пока девушки живут у невесты, по вечерам они ходят еще к родственникам жениха, как-то: воспреемникам, сестрам и дядьям его *выть зорю*, а потом за два или за три дня до свадьбы и к самому жениху. От жениха посылаются иногда с ними и пирог невесте. *Выть* или *кликать зорю* — значит петь песню. Зорную песню эту они поют по обычаю у жениха и других лиц под окнами, у невесты же — где-нибудь на крыше или на крыльце. Песни эти всегда заканчивают они протяжным, дружным воплем или уханьем. Зорная песня эта следующая: „Зоря, ты моя зорюшка, Все по-старому, все по-прежнему! Уж все часты звездочки, Все по-старому, по-прежнему!..”

Когда песня поется девушками у дома невесты или на крыльце, тогда невеста выходит на крыльцо или в сени и делает *причеты*, выговаривая те же самые слова, какие заключаются в песне. Окончание же она довершает иначе, а именно: „Я-то горька, бедная, Не по-старому, не по-прежнему, Красила дивью красоту...”» (*Зырянов 1863, с. 251*).

* * *

«За день до свадьбы, по туземному — *в канун кануна*, производится девицами *заплетание косы* у невесты, с грациозным накрытием всей косы и головы ее десятками ленточек, алых, голубых и вишневых. Это эмблема целомудрия и завещания от невесты того же своим подругам. При расплетании косы девицами, расплетании тихом, медленном, невеста предается самым отчаянным причитаниям, выражающим не совсем гармонически для слуха грустный переход ее из девства в замужество — переход в новую, неизвестную для нее жизнь; при этом лентами, снимаемыми с ее косы, она награждает всех своих подруг, как бы в знак прощания и завещания им сохранить *дивью красоту*, т. е. честь и достоинство девичества. При расплетании косы невеста плачет, а девицы поют: „Родимая моя матушка! Ты дойди-ко-ся до занавесья — До красны души девицы; Уж ты дай мне-ка благословеньице...”» (*Зырянов 1863, с. 256*).

№ 11

[Д. ПЕТУХОВ: 1864]

«После просватанья начинаются вечера, которые служат часами свидания жениха с невестой и для угощения девушек, живущих у невесты с просватанья до дня свадьбы. Впрочем, с просватанья живут девушки только у зажиточных

людей, у бедных же сзываются они позднее; этой чести удостоиваются самые близкие родственницы и задушевные подруги невестины; во время житья девицы шьют приданое и подвенечное платье невесте. Жених ходит к невесте каждый вечер и приносит с собой орехов, пряников и конфет, что может. <...> [Девушки. — Г. Щ.] сидят за столом по старшинству родства и поют: „На дворе-то вечер вечерается, Красно солнце закатается...” Если невеста — сирота, то поют еще: „Дуньте-ко, ветры буйные, На все четыре сторонушки, Накатитесь-ко, тучи грозные...” Когда пропоют эту трогательную песню, вырвавшуюся из глубины души горькой сироты, то гостинцы бывают съедены» (Петухов 1864, с. 153—156).

* * *

[Вечером после обручения; жених, проводив свою родню, возвращается в дом невесты]. «Невеста в то время находится в кути в кругу девушек и предаётся плачу, для которого, захватив в правую руку платок, прикрывает им глаза, подхватив правую руку левою, и качается, прилегая на колени к подружкам, которые ей припевают и привывают плачу: „Што у тя, родимой батюшко, За пир, за пираванье? Што за гости дорогие?..” Такое сетование обращается потом к крестному отцу и матери, к братьям и сестрам с переменою званий; иная девушка радым-радешенька, что идет замуж, а все-таки сетует по обычаю» (Петухов 1864, с. 166).

* * *

[Накануне свадьбы, созывают на девишник родственников невесты, бывших ранее на обручении]. «Когда все званые соберутся, то невеста садится за стол с девушками, которые сообразно положению невесты начинают петь плачу; если у ней нет ни отца, ни матери, то „Дуньте-ко, ветры буйны” и проч(ее); если есть у ней отец и мать, то: „Приутихните, волны, на море, Приумолкните, гуси-лебеди...”

В начале плача невеста, захватив правую рукою полотенце, закрывает им глаза и левую руку прикладывает ко лбу и, колыхаясь, ударяется о стол головою, принаравливая каждый удар на левую руку, которая от сильного ударения у некоторых невест припухнет и покрывается синевицами, не сходящими долго. Во время вытья и самобиения о стол невесты сестра, либо крестница, либо племянница ее успевает расплести косу, несмотря на то что невеста в то время вертит головою и вырывает из рук у ней косу, подводит невесту к отцу и к матери на благословение, причем она упадает к их ногам и говорит: „не жалеет родимой батюшко” либо „матушка, молодым молодешеньку, недорослую травоньку, незрелую ягодку выдать замуж”. То же самое повторяется отцу, матери, крестным, братьям и сестрам» (Петухов 1864, с. 167—168).

* * *

«Ночь девишника вся напролет проходит в пении, особенно если девишник и обручение бывают в один день; и девушки не спят всю ночь до заутрени» (Петухов 1864, с. 175).

№ 12

[И. В. ЗМЕЕВ: 1866]

«При обручании и при отправке к венцу девицы — подруги детства невесты — поют песни, а последняя „воет“; если же она этого не сделает, то может подвергнуться пересудам: тогда скажут, что вот, дескать, невеста-то и не выла даже; поэтому всякая невеста-девица (вдовы составляют исключение) хочет или нет, а уж непременно „вой“; бывали случаи, что невесты, выходя по собственному желанию замуж и не имея желаний реветь, прибегали к искусственным средствам, чтобы только вызвать слезы» (*Змеев 1866, с. 116*).

№ 13

[И. НАЗУКИН: 1875]

«У невест здешнего края нет такого обычая, чтобы просватанная шила и готовила что либо с собой в приданое... <...> ... со времени просватанья до свадьбы, она преимущественно занимается погощением у родных и близких друзей отца.

Родственники невесты, узнав, что она помолвлена, и желая быть у нее на обручальном вечере, готовят в выбранный по своему произволу день довольно сытный обед или ужин, главным кушаньем коего бывают *пельняни*,⁹ и зовут к себе невесту, которая, пригласив с собой несколько подруг, отправляется по приглашению на паре лошадей, где должность кучера преимущественно исправляет брат невесты.

Во время сей поездки девицы сидят по сторонам саней и, едуци в передний путь, поют нижеследующий заунывный припев: „Наглядись, моя дивья красота, На сельские улицы, широкие...“ Во время пенья девиц невеста, сидя в середине саней и прикрыв лицо концом имеющейся на ее голове накидки, как говорится, воёт, качаясь медленно взад и вперед» (*Назукин 1875, с. 4—5*).

* * *

«Когда уже наступит время невесте ехать домой, тогда она подходит первоначально к домохозяину, потом и ко всему семейству и, поклонившись каждому из них в ноги, останавливается в продолжении следующего припева перед тем лицом, кому оный припеваается, и, качаясь, плачет, что означает — зовет на девишник, а девицы припевают всем в доме порознь, начиная со старшего и до младшего: „И заказал мне родимой батюшко, Заказала родимая матушка, Челобитьицо отправить...“» (*Назукин 1875, с. 9*).

* * *

«Со времени смотрин до обручения в доме невесты никаких обрядов или церемоний не отправляется, и жених к ней повидаться ни разу не бывает; случается только, когда соберутся подруги к невесте или она сама их пригласит, тогда девицы садят невесту на лавку, одна из них заплетает ей косу, а прочие, окружив ее, поют; она же в продолжении пенья, прикрыв лицо платком, качается и плачет: „Вздыну ли я вздыну Часту да мелку щепочку Поверх буйныя голушки...“» (*Назукин 1875, с. 11*).

⁹ «*Пельняни*» — пельмени. — Г. Щ.

* * *

«В день свадьбы, еще до рассвета, девицы с невестой, не вставая с постели и не ожидая, пока достанут огня, поют: „Как тебе, родимая матушка, Спится и лежится, Во сне тебе не видится?.. ” Этой песней разбудят и приведут все семейство в деятельность» (Назукин 1875, с. 21—22).

* * *

[В день свадьбы]. «Когда невеста примет от дружек дары, тогда женихова сваха приходит за занавес, чешет невесте волосы и одевает в привезенное женихом платье; а по окончании сего выходит и садится за стол; девицы же в это время нижеследующим припевом призывают отца и мать невесты и всех ее родственников к благословию, пред коими невеста, стоя на ногах и закрывшись платком, плачет; притом, следуя порядку припева, кланяется в ноги, что и продолжается до вывода ее за стол: „Ково ли я прикличу, пригаркаю, Душа красная девица, При последнем часу-времечке...”» (Назукин 1875, с. 35—36).

№ 14

[В. С. КОШУРНИКОВ: 1880]

[По совершении сватовства]. «Теперь девушка становится невестой, в знак чего подносит жениху кружку с квасом. Кружка опоражнивается, и девушка, приняв ее, уходит за занавеску; за ней идет туда же жених, берет ее за руку и ведет за стол, где она, как теперь, так и при следующих выходах, должна плакать, иначе будто бы будет несчастлива в замужестве. „Не наплачешься за столом, так наплачешься за столбом”, — говорят обыкновенно здешние крестьяне» (Кошурников 1880, с. 53).

* * *

«На другой день после пропивушек девушки, подружки невесты, собираются все к ней и живут здесь до брака, занимаясь шитьем подарков, распеванием обрядовых и величальных песен и исполнением обязанностей по дому, лежавших до сего времени на девушке-невесте. За все это время они пользуются готовым столом и деньгами, которыми дарят их гости. Сама невеста с этого дня освобождается от всех домашних хлопот: она не прибирается не только по дому, но считает обязанностью относиться с полным пренебрежением к своему туалету и костюму. Обыкновенно с этого дня, если нет гостей, она не чешет своей головы, надевает самый дурной с прорехами сарафан, обувается, хотя бы это было летом, в растоптанные и дырявые пимы (валенки). Лицо закрывает от посторонних зрителей спускаемым с головы на самые глаза платком, словом, старается представить из себя не невесту, а скорее кающуюся грешницу. Впечатление это усиливается, если мы посмотрим на странное поведение невесты: она сторонится от всех домашних, не садится вместе с ними за стол, а ест отдельно, предается полному молчанию, становится мрачною и угрюмою и постоянно заливаясь горячими слезами. Состояние невесты хорошо обрисовывается в следующей песне, распеваемой девушками за работой: „Как на море-моречке, На горячем камешке, Тут сидели лебедушки...”» (Кошурников 1880, с. 62—63).

* * *

«Для поддержания грустного настроения в невесте девушки поднимают ее утром с постели и укладывают ночью спать жалобными и трогательными песнями. Вот эти песни: „Вы не пойте, ранние петухи! Не будите мою родимую матушку...” [и др.]» (*Кошурников 1880, с. 66*).

* * *

«Девичник и обручение бывают накануне свадьбы, первый — днем, второе — вечером. С утра в этот день в доме невесты все выглядывают сумрачно и печально. Мать прислонилась к шестку и, оперевшись на ухват, тяжело вздыхает. Отец, облокотившись на подоконник, склонил голову и задумался. Невеста еще дальше забралась в свой угол за занавеской и постоянно оттирает фартуком заплаканное лицо свое. Даже на девушках отразилось семейное горе и тоска: они скучно и вяло выглядывают из-за напущенных на самые глаза платков и молча предаются работам... <...>

Вот работы уже кончены, баня истопилась, девушки-подруги одна по одной собираются за занавеску и усаживаются ближе к невесте, вплетая ей в косу столько ленточек, сколько девушек. За девушками-подругами тянется туда же ряд любопытных посторонних зрителей женского пола, пришедших нарочно послушать *привывание*, посмотреть на обряд прощания невесты с родителями.

Кто-то сказал: баня готова. Послышались за занавеской сдержанные рыдания невесты. Девушки встали и, подперев кулаком левой руки щеку, запели каким-то замогильным тихим голосом, с бесконечными руладами и переливами: „Я хожу-то ли хожу, Горе-горькая, горемычная, По батюшкину широку двору...”

Лишь затянули девушки песню, отец и мать встали посредине избы со скрещенными руками. Тихо и неровными шагами подходит к отцу невеста и бросается в ноги, обливая их слезами. Отец поднимает свою дочь, благословляет рукой крестообразно, берет ее в объятия и целует, проливая слезы. После этого, также при пении привываний: „Ты, родимая моя матушка” — дочь подходит под благословение и к матери. Стоны и вопли со стороны матери и дочери усиливаются, и постороннему зрителю нужно иметь крепкие нервы, чтобы удержаться от слез, потому не удивительно, что теперь все плачут» (*Кошурников 1880, с. 81—83*).

* * *

[Если невеста — сирота]. «При пении этой песни [„Вы подуйте-ка, ветры буйные...”. — *Г. Щ.*] невеста ходит по избе, как будто ищет родителей; припадает к каждому углу, потом уже подходит к крестным — отцу и матери и получает от них благословение при двукратном пении следующей песни: „Я хожу, хожу по избе по кирпичатой...”» (*Кошурников 1880, с. 84*).

№ 15

[В. Н. ШИШОНКО: 1882]

«После просватанья невеста, утром вставши с постели, но не сходя с последней, начинает петь следующие песни, кои подтягиваются ее подругами. Во время песен невеста плачет, а девушки причитают. *Примечание.* Замечу, что

эти песни отличаются крайне грустным мотивом и до того носят на себе характер грусти, что поющие невольно подчиняются тоске и невольно плачут» (*Шишонко 1882, с. 7*).

* * *

«Иногда, в особенности у бедных, обручение соединяют с *девишником*, который всегда бывает вечером накануне свадьбы. В это время поются особые песни и производятся особые причитания. Об них вообще можно сказать, что они выражают расставанье невесты со свободой» (*Шишонко 1882, с. 15*).

* * *

«После „девишника“, на другой день, невеста, проснувшись и сидя на постели, начинает плакать и вместе с тем петь следующие припевки, кои подпеваются и ее подружками: „Вы вставайте, мои голубушки, Со тесовыя со кроватишки...“ После песнопений и причитаний девушки уходят с девишника, протившись с невестой» (*Шишонко 1882, с. 39—41*).

* * *

«При раздаче красоты девушки поют песню, которою призываются отец и мать невесты посмотреть на красоту их дочери. Мотив этой песни чрезвычайно заунывен. Во время пения этой песни, все находящиеся лица плачут, не исключая и тех, кои поют.

Вот эта песня: „Во Китае было в городе, Во кремлевой новой улице...“» (*Шишонко 1882, с. 48—49*).

* * *

[Одевание невесты к венцу]. «Невесту всегда одевают в избе, для чего сажают пред зеркальцем, на почетном месте. Во время одевания невесты она сидит пригорюнившись, и подруги ее утешают. Сколько при этом проливается самых искренних, горячих слез! Но вот она одета, она крепче призадумывается и с грустью, самую неподдельною, спрашивает у своего брата, куда она снаряжается: „Братец мой, брателко, Брателко, Александро Евграфович! Куда меня ты, брателко, Меня-то снаряжаешь?..“ При этом опять слезы и слезы, опять прощание и слезы. Под видом путешественника, иначе странника, я в это лето присутствовал на многих свадебных церемониях и лично видел их и слышал весьма много импровизированных при этом случае *причетов*, которые наводят на душу самое грустное впечатление. В подобных *причитаниях* вы слышите, как мать прощается со своим ребенком — теперь уже взрослым; как она, родная, говорит: „И поила тебя, дитя мое ненаглядное, кормила, лелеяла свою душечку, свою ненаглядную, пригожую расхорошую красоту мою, а на старость, на хворость мою, ты покидаешь меня: бедную, горемычную сироту!..“ Конечно, при этом мать горько плачет, как будто она хоронит свою дочь, как будто она слышит последние слова священника: „земля еси, в землю отыдешь“. К слезам матери присоединяются слезы присутствующих, самые непритворные! Нужно не иметь сердца, чтобы остаться совершенно равнодушным, бесчувственным к этим сценам! Нужно быть свидетелем, с каким сердечным соболезнованием расстаются не только родные, но и присутствующие с невестою, а девушки — со своею подругою, несмотря даже и на то, что все знают об окончании этого дела с согласия невесты» (*Шишонко 1882, с. 78—79*).

№ 16

[П. А. ШИЛКОВ: 1891—1894]

[Просватанье]. «Гости с женихом усаживаются по местам, а невеста уходит „в куть”, т. е. в другое отделение избы, против пекарной печи, за занавесом, где у нарочно приготовленной св(ятой) иконы зажигают восковую свечу, и девицы совместно с невестой начинают петь грустным, тихим напевом вроде „причет” (причитаний): „Благослови-ко, да Боже-Господи, Мне сяссть, горькой, на лавочку...” <...>

Если нет в живых отца, матери, крестного, крестной, то поют так: „Приутихните, гуси, на море, Приумолкните, гости, в тереме!..” Во все это время невеста неутешно плачет, бьет руками, „чепается” (т. е. качается во все стороны) и делает поклоны иконе с зажженной свечой „в кутнем углу”. Когда невеста „привывает” таким образом подходящих, то кланяется им в ноги. Многие приносят невесте подарки вещами и деньгами. Нет таких людей, которые могли бы оставаться равнодушными к этой раздирающей душу сцене, когда словно хоронят ближайшего и любимого человека. Слезы невольно катятся из глаз многих» (Шилков 1891—1894, с. 179—180).

* * *

«Теперь девицы удаляются одни опять в „куть”, за занавес, где вскоре и начинают петь. Жених остается с невестой и гостями на своих местах за столом: они пьют чай, водку, закусывают или угощаются поставленными лакомствами. Едва из кути раздается голос девушек, которые причитают невесте самым тихим, заунывно-плачевным голосом: „Ой, стосковалися да сгоревалися, Об любезной своей подруженьке...”, — как невеста поспешно уходит от жениха в куть в девицам.

Теперь в кути невеста с девушками начинает „привывать”: отцу жениха, его матери, своим — крестному, крестной и прочим. Мотив и пение те же самые, только изменяется лицо, которому „привывают”. За привыв невесту дарят деньгами или вещами. „Есть у батюшки в новом тереме, Есть у матушки да в новой горнице дорогой-от¹⁰ да небывалой гость...”» (Шилков 1891—1894, с. 182).

* * *

«Рано поутру после „просватанья” невеста, не вставая с постели, начинает причитать, а девицы должны ей пособлять. Это довольно грустный мотив, похожий почти на „волчий вой”; пение бывает слышно на далекое по заводу расстояние, так что всякий знает, что в доме том „запросватана невеста”. Утренняя заря. „Благослови-ко, да Боже Господи, Мне-ка стать, горькой, пробудитися...” Это невеста поет после пробуждения, сидя на постели и не умывавшись. А при вечерней заре, когда уже ложатся спать, она поет другую песню. Вечерняя заря: „На закатичке красна солнышка, На восходичке светла месяца, Пролетела горька кукушечка...”

Эти пения продолжают от „Просватанья” до „Обрученья” ежедневно: рано поутру и при закате солнца, вечером. В течение этого времени каждый день жених бывает в гостях у невесты» (Шилков 1891—1894, с. 183—184).

¹⁰ В оригинале: «дорогоёт». — Г. Ш.; «Вместо „дорогой-то”». — Примеч. А. А. Дмитриева — редактора, подготавливающего рукопись П. А. Шилкова к печати.

№ 17

[В. ЯНОВИЧ: 1903]

«Прослышавшие про рукобилье девушки-подруженьки приходят после богомолья в избу и, угостившись теплой бражкой, начинают петь невестину, женихову и др(угие), хотя и под руководством вежливица, но уже ломаные русские песни.

Во время пения как родственники, так и присутствующие по мере сил и возможности подтягивают хор, не переставая угощаться. Какофония¹¹ получается полнейшая» (Янович 1903, с. 80).

* * *

«Со следующего за рукобильем дня невеста в сопровождении „вытчицы” и „девок” начинает ездить по гостям. В поездках этих ее сопровождают родственники ее и ее поезжане. Невесте подается в зависимости от ее благосостояния одна или пара или тройка лошадей, изукрашенных лентами, бубенцами, колокольцами и другими побрякушками. Погостив у кого-либо, приехавшие, прежде чем уйти, поют песню. Песню эту сквозь слезы запекает вытчица, причем не только поезжане и поезжанки, но и провожающие со слезами поддерживают ее. Песню свою вытчица заводит не раньше, как встанет посередине комнаты: „Стою я, молодешенька, Среди столовой вашей горницы...” <...>

[По возвращении из гостей. — Г. Щ.] ...вытчица, еще сидя в санях, снова заводит песню, которую с очень нетрогательным единством подхватывают нагостившиеся и наугощавшиеся поезжане. <...>

[В доме невесты. — Г. Щ.] ...сызнава начинается угощение всем тем, что за время отсутствия невесты из дому успели изготовить ее родители. Только что кончается угощение, как вытчица уже молится Богу, а затем начинает новую песню, и поезжане, крестясь, вылезают из-за стола, чтобы подтянуть и тем по-сильно помочь ей. Во время пения песен никаких плясок не происходит.

Затем все гости встают со своих мест (во время пения обыкновенно вновь садятся за стол и от устатка¹² время от времени потягивают бражку) и вновь в голос начинают оплакивать невесту, а кроме того одаривают ее деньгами. <...> Тронутая общею любовью и сочувствием окружающих, невеста жалобно запекает: „Я стою, моводешенька, На бевокатанном войлочке...”¹³ Та же песня поется невестой каждому из поезжан, причем невеста дарит каждого по-сильно и как при рукобилье было уговорено» (Янович 1903, с. 80—81).

* * *

«Накануне свадьбы в доме невесты с утра вновь начинается самое отчаянное вытье: справляется так называемый девишник. Ранним утром все девушки посылаются за водой, идя за ней, они поют: „Уж вы, кумушки, вы, подруженьки, Посъужите мне, моводешеньке...”¹⁴ Вода приносится и ставится в печь, а поезжанки поочередно расчесывают волосы невесты; при этом как подруги, так и сама невеста плачут и причитают» (Янович 1903, с. 81—82).

¹¹ В словаре В. И. Даля: *Какофония* (ж.) — дурное созвучие слов, неприятные уху столкновения звуков (Даль 1905, с. 84).

¹² В словаре В. И. Даля: *Устаток* — усталость [Даль 1909, с. 1079].

¹³ «Я стою, молодешенька, На белокатанном войлочке...»; в записи этого и других поэтических текстов отображены особенности диалектного произношения (в данном случае, замена фонемы «л» на фонему «в»), свойственные устной речи отдельных территориальных групп коми-пермяков («пермяков»). — Г. Щ.

¹⁴ «Уж вы, кумушки, вы, подруженьки, Послужите мне, молодешеньке...» — Г. Щ.

* * *

[В бане]. «По окончании мытья вновь начинает выть песен: „Не спасибо вам, мои кумушки, Не спасибо, подруженьки, Не отмыли мои рученьки бевые, Не согрели мое тево бевое...”¹⁵ Выйдя из бани, невеста молится Богу на все четыре стороны и, не плача, отправляется домой. Здесь, уже перед самыми дверями, все поезжане хором начинают вновь пение с всхлипыванием. Так как песни пермяками поются во все горло, то пение такое в зимнее время, порой при сильном ветре, да еще тотчас же после бани, иногда влечет за собой гибельную простуду» (Янович 1903, с. 84).

* * *

«Много слез приходится пролить и невесте, и окружающим ее как в этот, так и в следующий день. Не успеет зазариться восток, как в доме невесты все приходит в движение; вновь появляется угощение, вновь то заплетается, то расплетается невестина коса и по-прежнему поются заунывные, словно похоронные, песни, обильно, без всякого сожаления к самим себе, приправляемые слезами» (Янович 1903, с. 85).

* * *

[В день свадьбы]. «Свашит со стороны невесты обыкновенно крестная мать, а потому как только она входит, осведомляясь предварительно, можно или нет ей войти, т. е. кончилось ли выть, ее встречает невеста пением следующей песни. Песню эту невеста поет одна: „Восприемная крестная матушка, Ты зачем поздно приехала, Когда я уже засватана, И совсем к венцу приготовленная... (...) Расскажи-ка, моя кресненькая, Про чужую дальнюю сторонушку...”

Крестная маменька или сваха тотчас же подхватывает эту песню и сердитым голосом поет ее окончание: „Расскажу я тебе, моя крестница, Про чужую дальнюю сторонушку — Ровно зимонька студеная; Как чужой-то свекор-ба-тюшка — В поле ровно лютой зверь...”

Невеста, зачастую совершенно не знающая своего чуж-чуженина, по понятным причинам не только плачет, а рыдает или, как говорят пермяки, голосом воет. Вытчица, подружки да и вся родня, словно спохватившись, режут, как только кто может. Картина получается действительно потрясающая. Даже со стороны смотреть на нее жутко. Кажется, что не свадьба, а похороны самого желанного, самого дорогого детища совершаются на ваших глазах. Так в слезах и уже без всяких песен ожидает невеста и поезжане приезда жениха» (Янович 1903, с. 88—89).

№ 18

[И. В. ШЕСТАКОВ (Я. КАМАСИНСКИЙ): 1905]

«После просватания невесту родственники зовут к себе с девушками в гости, стряпают пельмени, пекут оладьи, блины и проч(ее), угощают вообще обильно. Поются также девушками песни свадебные, песни поются русские „Лебедь и Сокол”, „Как у наших у ворот стоял девок хоровод”. Особых пермяцких песен нет. Невеста на этих званных обедах, усевшись за стол, оплакивает

¹⁵ «...Не отмыли мои рученьки белые, Не согрели мое тело белое...» — Г. Щ.

свое девичье житье, и, накрывшись чем-либо, раскачивается, и, наклоняясь каждый раз к столу, обеими руками, положив голову на них, ударяет по столу и плачет с причитанием. Таков обычай, исстари заведенный» (*Камасинский 1905, с. 138—139*).

№ 19

[А. ЧЕСНОКОВ: 1911]

«Когда невеста соглашается [пойти замуж за предлагаемого жениха. — Г. Щ.], начинают „бить по рукам“; в это время невеста обязана всем сватам подать руку в знак согласия; тогда начинают молиться Богу. Жених во время сватовства начинает где-нибудь тут же обнимать невесту. Затем подают вино, и начинается „пропой“. Обыкновенно в это время невесту дарят сваты деньгами. Когда пьют вино, невеста садится за стол, ее накрывают платком, так что глаз не видно, и она начинает „вопить“, „причитать“ о своей девичьей жизни. И в это время что есть силы бьет обеими руками по столу или по коленям, иногда „до той поры, пока руки разобьет до крови“. Битье руками по столу и коленям происходит не в одном только Чердынском уезде и Тулпанской волости, но и в соседнем Соликамском. Мне пришлось наблюдать этот обычай и в с. Ныроб. Иногда невеста бьет руками до того крепко, что раскалывает стол. Иногда говорят про женщину, которая шла охотой: „Да она чё, она шла замуж-ту — ни одной столешничи не расколола!“

На „сговор“ приходят девушки-подруги и поют песни. Как только невеста сядет за стол, девушки поют следующую песню: „Мне ночесь мало спалось, Во сне мне-ка много виделось...“ Песня эта поется протяжно, в унисон плачущей и стучащей об стол руками» (*Чесноков 1911, с. 61—62*).

№ 20

[В. Н. СЕРЕБРЕННИКОВ: 1911]

«Во время свадебного пира у невесты важное значение имеет „зачинщица“ песен („песенница-мастерица“, „главная“, „коренная“). Приглашаемая на свадьбу в качестве песенницы, она знает петь и „привойки“ и „величальные песни“. Она „ведет“ голос песни, остальные песенницы помогают ей петь.¹⁶

В прежнее время многие „привойки“ пелись ночью в обручанье накануне свадьбы.

В это время, напр⟨имер⟩, невеста прощалась с матерью и подругами и раздаривала последним свою „красоту“ (ленты).

Происходило это при следующей обстановке, как мне однажды пришлось наблюдать в дер⟨евне⟩ Чуран Андреевской вол⟨ости⟩. Было далеко за полночь. Когда все в доме улеглись спать, подруги невесты зажгли свечку пред иконой. Посадив невесту в передний угол, подруги дали ей в руки другую свечку. Затем две подружки невесты отправились на „середь“ и привели под руки плачущую мать невесты. Мать и дочь, обнявшись, „завыли“; писельницы запели „привойки“.

Замечено, что ныне на свадьбах „привоек“ поют уже меньше, чем пели их в „стары годы“.

Выходя замуж за человека, который ей по нраву и которого она знает хорошо, невеста часто воеет для „порядка“ (по обычаю). В народе про такую невесту

¹⁶ «Она хорошо знает слова, „голос“ и время употребления песен, и „шитницы“ (девушки, помогающие невесте в приготовлении даров. — Г. Щ.) от нее „навыкают“ петь» (*Серебрянников 1911, с. 5*).

говорят: „вопит, вопит, захватит лицо руками да меж персты на народ и гледит”, или: „ревет, а скажи: не ходи (замуж), так и пуще заревет”.

В разговоре о пении народ употребляет своеобразные музыкальные термины... {...} Привойки, напр(имер), нельзя петь „широким ротом”¹⁷» (*Серебрянников 1911, с. VII—VIII*).

* * *

«Песни про „дивью красоту” полностью поются девушке только хорошего поведения; которая „сохранила себя в чес[т]ности”, которая „красила красоту своим умом-разумом”. Песни эти являются для девушки „почетьем”. Главная „писельница-мастерица” дознается у невесты: „Как тебе выть?” — по хорошему „выть”. Если невеста запятнала свое девичье поведение и сознается в этом „писельнице”, то песен ей поется меньше и в них опускаются такие выражения, относящиеся к красоте, как „хорошая”, „чес[т]на, хвальна-украшенная”» (*Серебрянников 1911, с. 20—21*).

* * *

[В день свадьбы]. «По приезде поезда „писельницы”, одевая невесту в венчалные „снаряды”, поют унывные „привойки”, и „наговоры” дружки в это время являются развлечением для многочисленных зрителей, собравшихся смотреть „на свальбу”» (*Серебрянников 1911, с. V—VI*).

* * *

[Перед отъездом к венцу]. «Во время благословения „писельницы” „унывно” поют песню: „Ой, Бласлови-ко ты, родимой батюшко, Своим великим бласловением, Во Божью церковь ехати...”

Поется эта песня „извилисто-жалобным” напевом. Эти остановки среди слов (ма-тушка, подыну-тися) производят такое впечатление, будто рыдание перехватывает голос „писельниц”. Трогательный обряд благословения, „кручинные” слова и „голос” песни действуют и на постороннюю публику. Жалостливые бабы-зрительницы, бывшие соседки невесты, подперев щеку рукой, участливо поглядывают на невесту; иные из них, „ширкая носом”, утирают глаза концами головных платков» (*Серебрянников 1911, с. 55—56*).

№ 21

[А. Н. ГЛАДКИХ: 1913]

«В последнее время начинают спрашивать согласие самой невесты, и если она таковое изъявит, то сама и дает руку свекру и жениху. Само собой разумеется, что при такой ее доброй воле не может быть и речи о слезах. Невеста со всеми вместе после такового радостного события садится за стол к самоварному „кранту” и угощает всех чаем. Но в большинстве случаев бывает еще такое положение, что когда рука дана, „затепливают” перед „Богами” „свечи” и молятся им, а невеста видит „неминю”, начинает или только „хлюпать”, или же, если не по мысли жених, „одираючи реветь”. Но „без слез девку не отдашь”

¹⁷ Согласно приведенному В. Н. Серебрянниковым объяснению, петь «широким ротом» — значит петь громко (*Серебрянников 1911, с. VIII*).

говорит пословица, „не поует за столом, дак навоется за столбом”, подразумеваемая в этом последствии „худое житье” замужем. Веселость невесты после просватанья не говорится в ее пользу, осуждается старыми соседками нередко с злорадством: „хоша топереча весела, а не це,¹⁸ девонька, успиеш ишшо потереть-то соплей-то на кулак-от!” — „бажат”¹⁹ ей за это соседки. Да и как в самом деле им не обидеться, не возмущаться, ибо и они ведь тоже раз по заведенному обычаю выходили от „отца—от матери за чужова мужика”, хотя мама-та раньше — говорит — выходила за „тетьку”²⁰, „да как след-быть”²¹ выли и ревели да хрястались о стол руками, а она... на-те... здорово живешь! Хоша бы одну слезинку обронила! Сидит рожу-ту пелит за цеям-то,²² как не в цем не бывало: розыгрались глаза-те, разбегались, как две ягушки²³ на озиме,²⁴ быргат²⁵ имя... не стыду, не сорому, не с котору сторону!...” и т. д.» (*Гладких 1913, с. 22*).

* * *

«Все плачи и свадебные песни начинаются с этого [«ой»], „ой”; после какой-либо остановки и вообще паузы, даже среди неоконченного слова» (*Гладких 1913, с. 23, сноска*).

* * *

[На «просватыванье»]. «В то время, когда родители невесты „открывают вечер” — подходят к столу, девушки и присоединившиеся к ним бабы находят-ся по обыкновению на середине против печки за занавесой, начинают „выть плачи”, а невеста „ревить и хрястаться” об стол руками. Поют протяжным, заунывным напевом, располагающим к вытью, выражающим горькую долю и гнет рабы — русской простой женщины, находящейся еще и до сих пор под деспотизмом с пеленок до невест отца, а после замужества — мужа, свекра со свекровью и всей семьей» (*Гладких 1913, с. 23*).

* * *

«Утром, на другой день просватыванья, девушки еще в постели, по обыкновению на полатях, еще не умывшись, „состани” „корепаютца”, „не оклемавшись” как следует, а уже начинают „выть петухов”, невеста голосит: „Ой, я спала, молода да высыпалася...” „Петухов” этих поют каждое утро во все продолжение девичника вплоть до свадьбы: затем также ежедневно поют, когда невесту обряжают и плетут ей косу» (*Гладких 1913, с. 42—43*).

* * *

[В «обручанье», при отдаче «красоты»]. «За столом девушки поют ниже писанную плачу [„Ой, благослови-ко, Боже Восподи, Меня-то да молоде-

¹⁸ «*Не це*» — ничего. — Г. Щ.

¹⁹ «*Бажить*» — желать нехорошего. — Примеч. А. Н. Гладких (*Гладких 1913, с. 75*).

²⁰ «*За тетьку*» — за тятюку, т. е. за отца. — Г. Щ.

²¹ «*Как след-быть*» — как следует. — Г. Щ.

²² «*Рожу-ту пелить за цеям-то*» — рожу пялит за чаем. — Г. Щ.

²³ В словаре В. И. Даля: Ягушка (ж.) *сев. (вят.), сиб.* — ярка, овечка, овца по первому луту, а иногда и ягня (ягненок) (*Даль 1909, с. 1562*).

²⁴ В словаре В. И. Даля: Озими (*ж. мн.*) — озимые посевы, поля, зеленя, осенние всходы (*Даль 1905, с. 1698*).

²⁵ «*Быргат*» — моргает. — Г. Щ.

шеньку...”], а невеста сегодня особенно убивается, причем, согласно этой плаче, дарит каждой подружке по маленькой ленточке-красотке, при передаче которой обе подружки, обнявшись, воют. Впрочем, вытье невесты бывает, конечно, не всегда искренно, „не от желан-серча”, „только для близиру,²⁶ для проформы”:²⁷ „хоть, говорят, воет, а сама скрость персты же смиётца”. Но воет иногда невеста и „взаправши, видно, горе-то обуяло ее, говорят, руки все в кровь исхлестала”. Отдача красоты при зажженных пред образами свечах, заунывном пении, слезах невесты, одним словом, при торжественной обстановке производит на всех серьезное, сосредоточенное и печальное настроение, вызывающее у „слезливых” гостей, не говоря о родителях невесты, слезы. Посмотреть, „пошаропучить” на эти плачи иногда сбегаются соседки и ребятишки.

„Ой, благослови-ко, Боже Восподи, меня-то да молодешеньку...” Согласно этой плаче невеста выходит из-за стола, кланяется родителям в ноги и снова садится, а девушки продолжают: „Ой, я возьму свою дивью красоту во свои-ге да ручки белые...” (ленточку с иконы невеста берет в руки и с ней производит „причеты”, убиваясь об стол)» (*Гладких 1913, с. 51—53*).

№ 22

[П. С. БОГОСЛОВСКИЙ: 1926]

[В день просватанья]. «Невеста сидела в куте за занавесой со своими подругами. Изба была переполнена любопытными. Они лежали на полатах, на печи, стояли на полу и сидели по лавкам. Шум от разговоров стоял невозможный, духота в избе невыносимая, но никто на это не обращал внимания: дело на свадьбе обычное. — „Колокольцы слышно! Едут!” — пронеслось в толпе. Поднялось движение к дверям и от дверей, получила давка, молодежь сознательно ее увеличивала. „Дайте дорогу! Жених идет!” Впереди шел сам Я(ков) Т(рофимович) (отец жениха. — *Г. Ш.*), расталкивая собравшихся направо и налево, за ним проталкивался жених и прочие спутники. Гости поставили возле стола на лавку все, что было у них в руках, и стали раздеваться. Хозяин прибрал у всех одежду и пригласил за стол. Жених достал из привезенного им сундучка коробочку с цветами и подал А(ндрею) В(асильевичу) (отцу невесты. — *Г. Ш.*) для передачи невесте и стал усаживаться за стол. Лишь только А(ндрей) В(асильевич) ушел со цветами в куть, как оттуда послышалось пение девиц и плач невесты. После каждой законченной фразы был слышен протяжный вой невесты: а-а-а-а! Девицы пели: „Благослови, да Боже Господи, Пресвятая Богородица, во весь дом да слово молвити!...” <...>» (*Богословский 1926, с. 135—136*).

* * *

[В обрученье]. «Обрученье было назначено через неделю, в 6 часов вечера. Еще до срока у невесты собрались подруги заплетать косу. Невеста открыла свой плач под песню подруг: „Ты иди же, моя мамонька, До меня да горе-горькие, И возьми же, моя мамонька, Во праву руку гребешок...”

Под это пение мать, расчесав голову невесты, заплела часть ее косы, потом передала подругам, которые должны были по очереди заплести у невесты хотя бы несколько волосков. Невеста заливалась слезами, плакали и подруги; в кон-

²⁶ В словаре В. И. Даля: Блезир (*м. франц.*) — Сделать что для блезиру, от нечего делать, ради забавы, шутки (*Даль 1903, с. 235*).

²⁷ В словаре В. И. Даля: Проформа (*ж. лат. pro forma*) — видимость, внешность, при творство (*Даль 1907, с. 1369*).

це концов песню могли петь из 30 подруг только 3—4. Родители под пенё благословили невесту, но так как мать у нее была не родная, она пошла с подругами на улицу около дома просить благословения от умершей матери. На улице подруги запели: „Уж я вышла, горё-горькая, На широкою на улочку, Со кумами, со подружками...” <...>

После этой песни девицы с невестой вернулись в избу и стали ждать гостей, кот(орые) в обрученье должны собраться с двух сторон: от невесты и от жениха» (Богословский 1926, с. 141—142).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Богословский 1926 — *Богословский П.С.* Крестьянская свадьба в лесах Вильвы Пермского округа // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 128—159.
- Бувеский 1858 — *Бувеский С.* Жители Кунгурского уезда // Учен. зап., издаваемые имп. Казанским университетом. Казань, 1858. Кн. 1. С. 141—165.
- Гладких 1913 — *Гладких А. Н.* Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губернии // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1913. Вып. 10. С. 1—76.
- Даль 1903 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е испр. и знач. доп. изд. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-дэ-Куртенэ. СПб.; М., 1903. Т. 1: А—З.
- Даль 1905 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е испр. и знач. доп. изд. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-дэ-Куртенэ. СПб.; М., 1905. Т. 2: И—О.
- Даль 1907 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е испр. и знач. доп. изд. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-дэ-Куртенэ. СПб.; М., 1907. Т. 3: П—Р.
- Даль 1909 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е испр. и знач. доп. изд. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-дэ-Куртенэ. СПб.; М., 1909. Т. 4: С—V.
- Даль 1968 — Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М.: Наука, 1968. (Литературное наследство; т. 79). С. 441—504: В. И. Даль / Публ. П. Д. Ухова, вступ. ст. Г. Г. Шаповаловой, коммент. Н. П. Колпаковой, Г. Г. Шаповаловой. С. 450—501: «Свадебные обряды в горных заводах <Урала>».
- Змеев 1866 — *Змеев И. В.* Нижне-Сергинский завод // Пермские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1866. 9 апр. № 29. С. 115—116.
- Зырянов 1863 — *Зырянов А. Н.* Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1863. 22 нояб. № 47. С. 234—235; 13 дек. № 50. С. 246—247; 20 дек. № 51. С. 250—251; 27 дек. № 52. С. 256—257.
- Калинин 1848 — *Калинин М.* Чердынь: (Статья восьмая и последняя) // Иллюстрация. 1848. Т. 7. 23 окт., № 38. С. 212—216.
- Калмыков 1861 — *Калмыков А.* Описание свадебных обрядов Соликамского уезда, Пожевского завода с окрестностями // Пермские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1861. 6 янв. № 1. С. 7—10; 13 янв. № 2. С. 24—28.
- Камасинский 1905 — *Камасинский Я.* Свадебные обычаи у пермяков Иньвенского края Соликамского уезда // Около Камы: Этнографические рассказы и очерки. М., 1905. С. 137—141.

- Корнаухов 1848 — *Корнаухов Н.* Этнографические черты города Чердыни Пермской губернии // Отечественные записки. 1848. Т. 57. № 3. Смесь. С. 49—58.
- Кошурников 1880 — *Кошурников В. С.* Свадебные обряды и песни юго-восточной части Вятской губернии // Календарь Вятской губернии 1881 г. / Изд. Губ. стат. комитета; сост. под ред. М. Менандер. Вятка, 1880. С. 51—99.
- Назукин 1875 — *Назукин И.* Свадебные обряды у обвинских крестьян Пермской губернии Соликамского и Оханского уездов. Пермь, 1875.
- Петухов 1864 — *Петухов Д.* Горный город Дедюхин и окольные местности. СПб., 1864.
- Предтеченский 1859 — *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах г. Чердыни // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. Отд. 2. С. 1—107.
- Предтеченский 1860 — *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах г. Чердыни // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 132—161.
- Рогов 1860 — *Рогов Н. А.* Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 1—127.
- Серебренников 1861 — *Серебренников А. Г.* Очерк жителей Ильинского села в этнографическом и частью статистическом отношениях // Пермские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1861. 3 марта. № 9. С. 144—147.
- Серебренников 1911 — *Серебренников В. Н.* Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии. Пермь, 1911 (Материалы по изучению Пермского края. Вып. 4).
- Смирнов 1891 — *Смирнов И. Н.* Пермяки: Историко-этнографический очерк // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1891. Т. 9. Вып. 2. С. 174—175.
- Чесноков 1911 — *Чесноков А.* Свадебные обряды и песни «кержаков» // Живая старина. 1911. Вып. 1. С. 57—96.
- Шерстобитов 1863 — *Шерстобитов И.* Описание свадебных обрядов государственных крестьян Чердынского уезда сел Юрлы и Юма и состоящих в приходах их деревень // Пермские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1863. 8 нояб. № 45. С. 226—227; 15 нояб. № 46. С. 229—231; 22 нояб. № 47. С. 235—236; 29 нояб. № 48. С. 239—240; 6 дек. № 49. С. 244; 13 дек. № 50. С. 246—247.
- Шилков 1891—1894 — *[Шилков П. А.]* Свадебные обряды и песни Билимбаевского завода Екатеринбургского уезда / Под ред. А. А. Дмитриева // Зап. Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1891—1894. Т. 13. Вып. 2. С. 177—195.
- Шишонко 1882 — *[Шишонко В. Н.]* Отрывки из народного творчества Пермской губернии / Собрал директор народных училищ Пермской губернии и член разных ученых обществ В. Шишонко. Пермь, 1882.
- Янович 1903 — *Янович В. М.* Пермяки // Живая старина. 1903. Вып. 1/2. С. 52—171.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Чердынский уезд: г. Чердынь — *Калинин 1848; Корнаухов 1848; Предтеченский 1859—1860*; Тулпанская волость — *Чесноков 1911*; с. Юрла и с. Юм — *Шерстобитов 1863*.

Соликамский уезд: Пожевской завод — *Калмыков 1861*; г. Дедюхин — *Петухов 1864*.

«Пермяки»: Иньвенское поречье (Соликамский уезд): *Рогов 1860; Янович 1903; Камасинский 1905*; Обвинское поречье (Соликамский и Оханский уезды): *Назукин 1875*.

Пермский уезд: с. Ильинское — *Серебренников 1861*; Пермская волость — *Богословский 1926*.

Оханский уезд: Андреевская волость: *Серебренников 1911*.

Кунгурский уезд: *Бувеский 1858*.

Красноуфимский уезд: Суксунский завод — *Даль 1968*; с. Торговижское — *Гладких 1913*; Нижне-Сергинский завод — *Змеев 1866*.

Екатеринбургский уезд: Билимбаевский завод — *Шилков 1891—1894*; д. Черноусова — *Шишонко 1882*.

Шадринский уезд: *Зырянов 1863—1864*.

Вятская губерния, Сарапульский и другие юго-восточные уезды: *Кошурников 1880*.

ПЕРЕЧЕНЬ ЭЛЕМЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

Указание на обязательность исполнения причитаний / «вытья» невестой и девушками, в том числе выражаемое в поговорке-поверье: «Не наплачешься за столом — наплачешься за столбом»: *Корнаухов 1848; Предтеченский 1859; Калмыков 1861; Змеев 1866; Кошурников 1880; Серебренников 1911; Гладких 1913*. Осуждение, укоры в адрес невесты, не желающей «выть»: *Змеев 1866; Серебренников 1911; Гладких 1913*.

Общее определение, характеристика (общий тон, настроение, содержание) причитаний и песен: *Калинин 1848; Даль 1968; Предтеченский 1859; Шишонко 1882; Доброторский 1883; Гладких 1913*. Протяженность, заунывность напевов причитаний и песен: *Корнаухов 1848; Предтеченский 1859; Назукин 1875; Шишонко 1882; Шилков 1891—1894; Янович 1903; Серебренников 1911; Чесноков 1911; Гладких 1913*. Интонационно-мелодические свойства напева, особенности исполнения (паузы, остановки, вставки возгласа, «уханья» и др.): *Зырянов 1863; Кошурников 1880; Серебренников 1911; Гладких 1913*. Музыкально-динамические нормы звучания плачей и причитаний: *Предтеченский 1859; Кошурников 1880; Шилков 1891—1894; Янович 1903; Серебренников 1911*.

Противопоставление характера «привоек» девушек и «наговорок» дружки: *Серебренников 1911*. Присутствие посторонних зрителей на свадьбе, «пришедших нарочно послушать привывание»: *Кошурников 1880, Гладких 1913, Богословский 1926*. Причитания и песни создают печальное настроение у присутствующих, «слезят» их: *Кошурников 1880; Шишонко 1882; Шилков 1891—1894; Янович 1903; Серебренников 1911; Гладких 1913*. Участие родственников и поезжан в исполнении причитаний: *Янович 1903*.

Указание на число певиц («песельниц», «плакальщиц»): *Калинин 1848; Богословский 1926*. Указание на ведущую роль одной из девушек / женщин («вытчицы», «песельницы-мастерницы» и др.) в процессе исполнения свадебных песен и причитаний: *Калинин 1848; Рогов 1860; Янович 1903; Серебренников 1911*.

Поведение невесты при исполнении плачей: невеста бросается головой и руками на колени подруг, на пол; качается, «упадает» на стол, бьет по нему руками и т. п.: *Калинин 1848; Корнаухов 1848; Бувеский 1858; Предтеченский 1859; Калмыков 1861; Шерстобитов 1863; Петухов 1864; Шилков 1891—1894; Камасинский 1905; Чесноков 1911; Гладких 1913*. Невеста, прикрыв лицо платком или накидкой, качается и плачет: *Пету-*

хов 1864; Назукин 1875. Невеста совершает поклоны (во время «привывания» к благословлению и др.; во время шествия с исполнением песен и причитаний): Бувеский 1858; Шерстобитов 1863; Петухов 1864; Назукин 1875; Кошурников 1880; Шилков 1891—1894. Не всегда искреннее «вытьё» невесты; причитания «по обычаю», «для обряда», «для порядка»: Калинин 1848; Даль 1968; Предтеченский 1859; Зырянов 1863; Петухов 1864; Змеев 1866; Серебренников 1911; Гладких 1913.

Различные ситуации исполнения плачей невесты / причитаний девушек: При чесании волос невесты, расплетании / заплетании косы, раздаче «красоты»: Корнаухов 1848; Даль 1968; Бувеский, 1858; Предтеченский 1859; Калмыков 1861; Шерстобитов 1863; Зырянов 1863; Петухов 1864; Назукин 1875; Янович 1903; Гладких 1913; Богословский 1926. Во время рукоблтия и пропивания: Даль 1968. Во время одевания к венцу: Корнаухов 1848. Во время выхода к столу: Бувеский 1858. При посещении обрядовой бани: Корнаухов 1848. За столом во время ужина с девушками (невеста благодарит родителей за «хлеб-соль»): Даль 1968; Предтеченский 1859; Калмыков 1861; Серебренников 1861. Во время разъездов невесты «по обедам» к родственникам: Шерстобитов 1863; Назукин 1875; Янович 1903. Во время приезда к невесте жениха с гостинцами: Петухов 1864. Причитания на приход гости, родственницы или знакомой в дом невесты: Даль 1968. Невеста отвечает плачем на приказания и просьбы родителей: Корнаухов 1848; Предтеченский 1859.

Приуроченность «вытья» ко времени суток («поутру», «в полдень», «под вечер»; «на утренней заре», «на вечерней заре»): Даль 1968; Шилков 1891—1894. Утренние плачи (тотчас по пробуждении): Корнаухов 1848; Предтеченский 1859; Калмыков 1861; Шерстобитов 1863; Назукин 1875; Кошурников 1880; Шишонко 1882; Шилков 1891—1894; Гладких 1913. Исполнение причитаний и песен на протяжении всей ночи (на девешнике): Петухов 1864; Серебренников 1911.

Причитания невесте-сироте (невеста просит благословения у умерших родителей): Петухов, 1864; Кошурников 1880; Шилков 1891—1894; Богословский 1926. Восхваление «честности» невесты в причитаниях и действиях, связанных с «дивьей красотой»: Даль 1968; Бувеский 1858; Серебренников 1911. Плач / «вытьё» / причитание невесты совместно с одной из ее родственниц или подруг: Янович 1903; Серебренников 1911. Обычай «выть или кликать зарю» (на крыльце или на крыше дома петь песню с протяжным уханьем (воплем) в конце): Зырянов 1863. Пироги-«плакальники» (съедаются при пении плачей): Предтеченский 1859.